

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 296–304

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 296–304

<https://imo.sgu.ru>

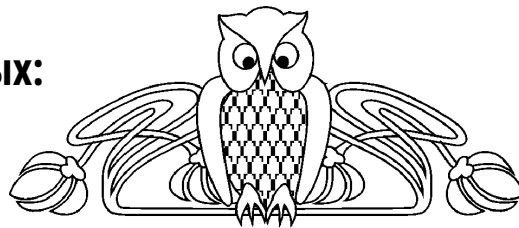
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-296-304>, EDN: BGVBEГ

Научная статья

УДК [323.311:929.52](470+571)|18/19|+929Панчулидзевы

История семьи дворян Панчулидзевых: изломы судьбы

П. С. Кабытов[✉], Е. П. Барина

Самарский национальный исследовательский университет имени С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Кабытов Пётр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>, AuthorID: 591236

Барина Екатерина Петровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, rfnz25@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>, AuthorID: 269201

Аннотация. В статье на основе комплекса документальных материалов и научной литературы реконструирована история семьи дворянского рода Панчулидзевых во второй половине XIX – начале XX в. Воссоздана биография Сергея Алексеевича Панчулидзева, показана его роль в качестве земского деятеля Саратовской губернии, в Совете объединённого дворянства и исследователя истории Российской армии. Выявлены условия жизни семьи Панчулидзевых в период Великой российской революции и доказана безуспешность их социальных практик выживания в экстремальных условиях революционного времени.

Ключевые слова: Российская империя, Великая российская революция, Саратов, Петроград, Сергей Алексеевич Панчулидзев, Совет объединённого дворянства, семья Панчулидзевых, социокультурные практики

Для цитирования: Кабытов П. С., Барина Е. П. История семьи дворян Панчулидзевых: изломы судьбы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 296–304. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-296-304>, EDN: BGVBEГ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

History of the Panchulidzev family: The twists of fate

P. S. Kabytov[✉], E. P. Barinova

Samara National Research University, 34 Moskovskoe shosse, Samara 443086, Russia

Petr S. Kabytov, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>, AuthorID: 591236

Ekaterina P. Barinova, rfnz25@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>, AuthorID: 269201

Abstract. The article reconstructs the history of the family of the noble family Panchulidzev in the second half of the XIX – early XX centuries on the basis of a set of documentary materials and scientific literature. The biography of Sergei Alekseevich Panchulidzev is reconstructed, his role as a zemstvo figure of Saratov province, in the Council of the United Nobility and a researcher of the history of the Russian army is shown. The living conditions of the Panchulidzev family during the Great Russian Revolution are revealed and the unsuccessfulness of their social practices of survival in the extreme conditions of the revolutionary time is proved.

Keywords: Russian Empire, Great Russian Revolution, Saratov, Petrograd, Sergei Alekseevich Panchulidzev, Council of the United Nobility, Panchulidzev family, socio-cultural practices

For citation: Kabytov P. S., Barinova E. P. History of the Panchulidzev family: The twists of fate. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 296–304 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-296-304>, EDN: BGVBEГ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблема трансформации поведения и психологии социума в условиях Великой российской революции принадлежит к числу важнейших проблем, находящихся в центре внимания исследователей и достаточно хорошо изучена. Гораздо меньше внимания в историографии уделяется реконструкции пока недостаточно осмысленного

механизма адаптации представителей социальных групп, которых условно можно определить различными терминами: «бывшие», «лишенцы», «классово чуждые элементы» (дворян, чиновников, священников, купцов) к советской действительности, что является одной из актуальных проблем социальной истории первых

постреволюционных лет. Вопросы о степени востребованности знаний и навыков «бывших» изменившимся социумом, способах адаптации являются дискуссионными. Научная разработка этой проблемы осуществляется, как правило, с использованием многофакторного анализа и междисциплинарного подхода. В центре внимания исследователей находятся особенности взаимоотношений власти и общества, специфика положения отдельных категорий «лишенцев» и «буржуазных специалистов», судьбы представителей «бывших» [1–3]. Помимо реконструкции повседневной жизни населения в условиях Великой российской революции и анализа социальной политики первых лет советской власти, авторами предпринимаются попытки выявления траекторий приспособления «бывших» к новым политическим и социально-экономическим реалиям [4–6].

В новейший период развития российской историографии было опубликовано множество биографий дореволюционных политических и общественных деятелей. Историками буквально по крупицам воссоздан их жизненный путь в советском государстве, показаны как успешные практики адаптации, так и трагичность судеб многих из них. В исследовательском пространстве гораздо меньше внимания уделено членам их семьи – жене, детям, другим родственникам, о которых исследователи упоминают лишь вскользь, несколькими фразами. Во многом это обусловлено недостатками источниковой базы. Как известно, такие жестокие формы борьбы советской власти с «бывшими» как практика «заложничества», административные высылки, запрет проживать на определенной территории не способствовали сохранности эго-источников. Многие семейные связи были или прерваны, или совсем разрушены в годы Гражданской войны. Члены тех или иных семей оказывались в разных регионах страны или в эмиграции, а потому они не могли или не хотели сообщить о себе родным. Поэтому о судьбах родственников многие не знали, либо в лучшем случае в семейных архивах сохранялись отрывочные сведения. Репрессивная политика советской власти по отношению к «бывшим» наложила свой отпечаток как на характер их семейных отношений, так и на модели поведения.

Биография С. А. Панчулидзева, известного военного историка, управляющего архивом Государственного Совета, дворянского и земского деятеля, бессменного секретаря Совета объединенного дворянства в 1910–1917 гг., до сих пор реконструирована не полностью. Отдельные фрагменты его многосторонней деятельности мы можем воспроизвести, используя историческую информацию, которая содержится в его собственном труде, посвященном биографиям кавалергардов [7]. Имеются сведения в справочных изданиях как дореволюционных [8], так

и современных [9]. Но эта информация носит протокольный характер, а потому весьма скудна. Первую попытку реконструировать биографию С. А. Панчулидзева предпринял его друг и однополчанин великий князь, историк Николай Михайлович. Но он не мог завершить свой труд, так как был арестован, а затем расстрелян в 1919 г.

В советской историографии упоминания о творчестве историка С. А. Панчулидзева, а тем более его разносторонней деятельности были редки и ограничивались констатацией факта создания им двух его главных трудов: «Истории кавалергардов» и «Сборника биографий кавалергардов» в 4-х томах.

В 1990-е гг. на пике волны роста интереса к истории дворянства появились первые статьи, в которых акцентировалось внимание на отдельных аспектах его творчества. Так, А. И. Сапожников представил непростую историю создания и публикации С. А. Панчулидзевым рукописи книги, посвященной убийству Павла I [10]. С. А. Панчулидзев упоминается в научных трудах по истории объединенного дворянства [11, 12]. Но научной биографии Сергея Алексеевича до сих пор все ещё не создано.

Отметим, что представителям дворянского рода Панчулидзевых посвящено ряд статей. В большинстве из них историки описывают жизнь и деятельность саратовского губернатора Алексея Давыдовича Панчулидзева и его многочисленных потомков [13, 14], в том числе его сына – пензенского губернатора Александра Алексеевича Панчулидзева [15; 16, с. 19–21]. С. С. Африканов и А. М. Олферьев анализируют родословную роспись дворянского рода Панчулидзевых. Здесь же приведены краткие биографические сведения о Сергее Алексеевиче и его семье [17, с. 26–27].

В личном фонде Сергея Алексеевича Панчулидзева в Российском государственном историческом архиве отложились делопроизводственная документация, вырезки из периодической печати и переписка, а также материалы, связанные с его научной и общественной деятельностью. Этот комплекс исторических источников содержит сведения о повседневной жизни семьи нашего героя в годы Первой мировой войны и Великой российской революции [18]. Большой интерес представляют воспоминания Н. А. Ивановой (Корольковой, Панчулидзевой), первой жены его брата Владимира, о перипетиях жизни дворянской семьи в 1914–1917 гг., о восприятии членами семьи событий Первой мировой войны и Февральской революции 1917 г. в Петрограде [19]. Несмотря на то, что Сергею Алексеевичу и его сыну Сергею в воспоминаниях уделено лишь несколько строчек, тем не менее образы, нарисованные автором воспоминаний, позволяют охарактеризовать поведенческие стратегии членов семьи.

23 июня 2023 г. в собрание Саратовского областного музея краеведения поступил редкий документ – рукопись «Родословная Роспись дворян Панчулидзевых. Рукопись, составленная дворянином Пензенской губернии Алексеем Николаевичем Панчулидзевым. Российский период». Она была создана им в Париже в 1938 г. Последней хранительницей рукописи стала проживающая в Сербии Кира Михайловна Панчулидзева, вдова Алексея Александровича Панчулидзева (1937–2019), праправнука саратовского губернатора А. Д. Панчулидзева, который является последним прямым потомком по мужской линии рода Панчулидзевых. В этот документ включены те отрывочные сведения о членах семьи Сергея Алексеевича, которые были известны автору рукописи [20]. В статье С. С. Африканова и А. М. Олферьева отмечается, что «в революционные годы было расстреляно восемь Панчулидзевых, среди них мать с семилетним сыном», но о судьбе семьи С. А. Панчулидзева авторы не упоминают [13, с. 68].

Тем не менее эти отрывочные сведения, по крупницам передававшиеся из поколения в поколение, позволяют реконструировать семейную историю. Сергей Алексеевич Панчулидзева родился 7 ноября 1855 г. в семье дворян Пензенской губернии, будущего мирового посредника Алексея Алексеевича Панчулидзева (1819–1880), и Натальи Павловны, урожденной Вигель (1824–1896). Условно можно выделить несколько этапов в биографии Сергея Алексеевича. Первый этап охватывает 1855–1874 гг., в который входят детские годы и служба в рядах Российской армии. Первым домашним учителем Сергея стал гувернёр англичанин. В 1872 г. С. А. Панчулидзева поступил в Николаевское кавалерийское училище, а 7 августа 1874 г. из младших вахмистров произведен корнетом в кавалергардский полк. В 1874 и 1875 гг. он являлся помощником заведующего учебной командой. Принимал участие в сражениях русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в составе лейб-гвардейского Гусарского полка. После окончания войны поступил в академию Генерального штаба, в 1881 г. произведен в штабс-ротмистры. Однако после окончания курса Академии отказался перейти на службу в Генеральный штаб и вернулся в свой полк, где был делопроизводителем полкового суда и с 1882 г. заведующим учебной командой.

В апреле 1883 г. С. А. Панчулидзева женился на своей двоюродной сестре Надежде Борисовне, урожденной Полторацкой (16.03.1861–1924). Она была дочерью поручика Бориса Александровича Полторацкого (1826–1868) и его второй жены Анны Павловны Вигель (1827–1882). М. М. Осоргин вспоминал: «Панчулидзева просил меня остаться во главе архива, так как сам должен был ехать к своим родным. Меня одного он посвятил в свою семейную тайну, что он жених своей двоюродной сестры Полторацкой

и едет к ней» [21, с. 262]. В 1890-х гг. Сергей Алексеевич унаследовал от родителей имение в Саратовской и Казанской губерниях. Казанское имение он вскоре продал, а имение при с. Екатериновка, Самородиновка тож, Старо-Бураской волости Саратовского уезда Саратовской губернии стало родовым гнездом дворянской семьи Панчулидзевых.

Во время второго этапа (1884–1896 гг.) С. А. Панчулидзева, после выхода в отставку в апреле 1884 г., поселился в своем родовом имении и с увлечением стал заниматься сельским хозяйством. В этот период им были написаны труды, посвященные улучшению земледелия [22, 23]. Он активно включился в земскую деятельность. С 1884 по 1892 гг. был уездным и губернским гласным, председателем Саратовского уездного земского санитарного совета, почетным мировым судьей, с 1887 г. – председателем Саратовской губернской ревизионной комиссии, с 1891 по 1892 г. – саратовским уездным предводителем. В 1888 г. он написал брошюру, посвященную состоянию медицины в Саратовском уезде [24].

Гласный Саратовской городской думы, купец И. Я. Славин в своих воспоминаниях воссоздал яркий портрет саратовского дворянина: «В течение восьмидесяти годов в Саратовском уездном земстве доминировал и “делал погоду” видный землец и местный дворянин Сергей Алексеевич Панчулидзева. <...> Несмотря на свой сравнительно небольшой рост, Панчулидзева всегда держал себя величаво, воинственно, покавалерийски. Блондин, чуть-чуть седеющий, – ему уже было под сорок, с курчавой бородкой, он в общем являл из себя такую фигуру, которая невольно обращала на себя внимание. Особенно тогда, когда он в торжественных случаях надевал свой белоснежный мундир с золотыми позументами и блестящую каску, увенчанную орлом. Специально военный по образованию, воспитанный в узко сословных дворянских тенденциях, которые он не скрывал, Панчулидзева весь отдавался земской работе. Он был председателем комиссии, которое ведало народное здравие в уезде. Больница, амбулатории, врачи, фельдшера и проч., – всё это было в ведении Панчулидзева и от него зависело. Он и сам не был чужд медицине как любитель, самоучка и дилетант. Видимо, ему нравилось это дело, и он занимался нередко лечением и врачеванием в своей деревне. Выступал Панчулидзева и как ревизор и контролёр земской управы. Внимательно и тщательно изучая каждое дело, за которое брался, и обладая незаурядным деловым красноречием, часто бывал суровым судьей и критиком земской управы» [25, с. 132].

Но были и другие, прямо противоположные выше приведенной характеристике оценки личности Сергея Алексеевича. Так, например, российский историк, краевед, этнограф Александр Николаевич Минх полагал, что С. А. Панчулидзева – «человек неглупый, энергичный и ловкий»,

сумевший «забрать в свои руки молодёжь и губернатора Косича... стал орудовать на уездных земских собраниях и увлёк земство в огромный непосильный расход в 60 с лишком тысяч на постройку 7–8 больниц на небольшой Саратовский уезд» [26]. Либеральный саратовский журналист Н. М. Архангельский отзывался о нём куда позитивнее: «Панчулидзе – любопытная фигура. Дворянин, кавалергард, написавший “Историю кавалергардов”, человек крайне правых убеждений, член охранной дружины императора Александра III, но лично – честный, прямой и джентльмен. Стильная фигура и, надо сказать, среди правых – довольно редкая» [26].

В 1896 г. великий князь Владимир Александрович рекомендовал С. А. Панчулидзева для составления истории Кавалергардского полка [20, с. 38]. Он был вызван в Петербург, где ему предоставили доступ к архивам Собственной его императорского величества канцелярии. С этого времени начинается третий, петроградский этап его биографии, в течении которого он достаточно быстро продвигался по служебной лестнице. В это время им были написаны его главные исторические труды: «История кавалергардов 1724–1799–1899: По случаю столетнего юбилея Кавалергардского... полка» в 4-х томах и «Сборник биографий кавалергардов», также в 4-х томах. Он осуществлял сбор материалов и подготовку рукописей по самой разнообразной проблематике: А. С. Грибоедов и его связи с декабристами, княжна Тараканова, М. М. Сперанский, императоры Павел I и Александр I, еврейский вопрос [18, д. 46, 64–76, 164, 174, 196, 197].

11 января 1899 г. С. А. Панчулидзе был причислен к Министерству императорского двора, а в 1903 г. назначен управляющим Архивом Государственного Совета. Он внес огромный вклад в делопроизводство этого учреждения. Благодаря его деятельности, печатные описи архива стали образцом инвентарных описей, а алфавитная картотека архива Государственного Совета стала прообразом будущих архивных каталогов и составила основу каталога Российского государственного исторического архива [27]. Архив Государственного Совета стал выполнять функции исторического хранилища документов, были реализованы проекты по публикации документов нового времени.

В 1906 г. Сергей Алексеевич вновь был избран уездным и губернским гласным земских собраний Саратовского уезда. В тоже время научное сообщество положительно оценивало его научные изыскания. Он был членом Императорского Русского Военно-исторического общества, членом Московского Археологического института, а также членом архивных комиссий многих губерний: Саратовской, Тамбовской, Тульской, Нижегородской, Смоленской, Ставропольской, Псковской архивных комиссий.

Сергей Алексеевич придерживался крайне правых взглядов. Еще в молодости, служа в армии, он был членом «Священной дружины», возглавляемой графом И. И. Воронцовым-Дашковым, которая была создана после убийства Александра II из офицеров гвардейских полков для тайной охраны Александра III от покушений революционеров [20, с. 38].

Поэтому неудивительно, что он был избран от Саратовской губернии уполномоченным для участия в съездах губернских дворянских обществ. На IV-м съезде он был избран в состав комиссии о дворянских пансион-приютах от Саратовской губернии. Но особой активности в работе первых четырех съездов он не проявлял. Бурную деятельность он развил на V-м съезде. Его активность стала заметной в ходе работы Совета по делам местного хозяйства, членом которого он был избран от Саратовского земства. Кстати, документы заседаний этого Совета хранятся в личном фонде Панчулидзева [18, д. 5, 6, 9, 12, 14]. Он выступил на V-м съезде с информацией о его деятельности, а также представил объединенным дворянам свое видение роли уездного предводителя в предполагаемой реформе местного управления. Его точка зрения была поддержана выступающими делегатами съезда, а сам он возглавил созданную съездом комиссию по этому вопросу [28, с. 85–87, 165, 274, 288–303]. Именно на V-ом съезде он был избран членом Постоянного Совета объединённого дворянства и назначен управляющим делами Совета. Он входил во все комиссии, созданные Советом, и выполнял обязанности секретаря, а также вел обширную переписку с членами этой организации. Заметим, что в родословной росписи А. Н. Панчулидзева ошибочно утверждается, что Сергей Алексеевич стал исполнять эти обязанности начиная с момента образования организации [20, с. 39].

Жена Сергея Алексеевича в 90-е гг. XX в. написала несколько романов и повестей. Наиболее известным из них стал опубликованный в 1893 г. в «Вестнике Европы» роман «Не от мира сего. Из провинциальной жизни» [29]. Она была довольно популярной и в начале XX в. писательницей. Интересно, что саратовцы прозвали Надежду Борисовну «змеёйкой» за ее ехидный язык [26]. Продолжала она заниматься литературной деятельностью и в дальнейшем. В 1912 г. в Харькове ею была опубликована повесть «Наталья Павловна», а в 1914 г. – роман «Неудовлетворенные стремления» [30, 31].

Но, конечно, главным в ее жизни было воспитание детей и домашнее хозяйство. Необходимо отметить, что после назначения Сергея Алексеевича управляющим Архивом Государственного Совета на ее плечи легли все домашние заботы. Семья Панчулидзевых была многодетной. Первая дочь Анна умерла в младенческом возрасте

(1884–1885). Сыновья Сергей и Георгий, которого в семье чаще звали Юрием, были погодками. Сергей родился 28 мая 1886 г., а Георгий 20 декабря 1887 г. Младшая дочь Татьяна родилась 22 ноября 1891 г. Дети первоначально получили домашнее воспитание, а затем мальчики учились в Императорском Александровском лицее, который закончили в 1908 г.

По-видимому, средств для совместного проживания семьи в Петербурге у них не хватало, поэтому семья проживала в имении. Мать старалась привить детям высокие нравственные ориентиры. Она писала им: «Быть хорошими сыновьями мало, надо быть хорошими людьми» [32, л. 3]. Она отмечала, что многие молодые люди «живут и ничего не уважают..., а с такими лакейскими чувствами сами на лакеев похожи...». И далее она советовала сыновьям не только самим быть хорошими, но и «товарищей удерживать от всяких скверных поступков» [32, л. 3–3 об.]. Забота о воспитании детей проскальзывает и в письме Надежды Борисовны мужу. Она советовалась с ним по поводу будущего дочери. Полагая, что «Таню надо дисциплинировать», она предлагала отдать ее учиться в Павловский институт благородных девиц [33, л. 4].

Разлука тяжело переносилась супругами. Об этом свидетельствуют их письма, которые они писали друг другу через день. Надежда Борисовна советовалась с мужем по поводу ведения хозяйства: «... что нам делать с люцерной и коровниками?». Или задавала такой вопрос: «Надо ли косить тимopheевку?» [33, л. 114, 121]. Описывая виды на урожай и перспективы его продажи, она, прежде всего, сетовала на то, что денег катастрофически не хватает. Она отмечала, что над имением нависла угроза продажи, поскольку долг в Дворянский банк в 1902 г. составлял 45 621 руб. И просила мужа найти средства для выплаты очередного платежа в размере 12 800 руб. [33, л. 93–94]. Необходимо отметить, что проблема дефицита денежных средств то и дело обсуждалась супругами в переписке [33, л. 109–110, 127–128 об.].

После завершения образования сыновья отбывали как вольноопределяющиеся воинскую повинность в Семеновском лейб-гвардейском полку. В 1909 г. Сергей поступил на службу в Главное управление землеустройства и земледелия. Как чиновник особых поручений VIII класса неоднократно был командирован на Урал и в Сибирь. Его жалование составляло 1200 руб. в год. 22 июля 1913 г. он был пожалован в камер-юнкеры Высочайшего двора. Был награжден знаками «В память 100-летия Императорского Александровского лицея», «100-летие Государственной Канцелярии», медалью «В память 300-летия царствования дома Романовых».

Вступление Российской империи в Первую мировую войну первоначально было воспринято дворянством с воодушевлением. Н. А. Иванова

вспоминала, что даже 57-летний Сергей Алексеевич собирался идти на войну (на самом деле ему к началу Первой мировой войны было 58 лет и 9 месяцев. – П. К., Е. Б.). Когда его брат Павел Алексеевич стал сомневаться в этом, полагая, что личные качества С. А. Панчулидзева не позволят ему подчиняться воинской дисциплине, Ева Александровна Сабурова с возмущением парировала: «Вы не понимаете вашего брата, у него фанаберия, как вы думаете и называете, совсем другого рода: да, он свысока подаст два пальца какому-нибудь генералу и даже министру, если он его не будет уважать, а с радостью крепко пожмет руку человеку, низко поставленному по службе, если найдет его достойным уважения. И конечно подчинится на военной службе и мальчишке, если это надо для Родины. Он честный и справедливый без лукавства человек, хотя его за эти качества и высмеивают иногда» [19, с. 223]. Участие в боях на фронтах Первой мировой войны принимали одиннадцать представителей дворянского рода в том числе старший сын, камер-юнкер Сергей Сергеевич. Он был младшим унтер-офицером команды связи Семеновского лейб-гвардейского полка. Уже в первые дни войны, 13 октября 1914 г., отличился в бою у д. Эволя, за этот подвиг был награжден Георгиевским крестом 4 степени. 7 декабря 1914 г. был произведен в прапорщики, а в 1915 г. был награжден Георгиевским крестом 3 степени. В декабре 1916 г. был награжден орденом Святой Анны IV степени с надписью «за храбрость» [34].

Падение монархии, которой Панчулидзево верно служил в течение всей своей жизни, негативно отразилось на его психологическом состоянии. Крах Российской империи и отречение императора Николая II буквально «потрясло утомленное сердце» Сергея Алексеевича. В апреле 1917 г. он тяжело заболел. Несмотря на это, он предпринимал все возможные усилия, чтобы улучшить пошатнувшееся положение семьи. Сергей Алексеевич предпринял попытку получить финансовую помощь от новой власти. С этой целью он 1 июля 1917 г. направил в адрес Временного правительства прошение, а которым перечислял свои заслуги, и указывал, что с 1899 г. получал пособие в размере 4000 руб., выдававшееся Собственной его величества канцелярией. Однако с 1 марта 1917 г. выдача денежных средств была прекращена, поэтому он просил комиссара Временного правительства возобновить выдачу пособия, которое было основным источником существования его семьи.

Его заявление рассматривала Канцелярия по принятию прошений. В справке, подготовленной по данному делу, указывалось, что Сергей Алексеевич, как управляющий архивом Государственного Совета, получал «за особые труды» 6000 руб. ежегодно. Отмечалось, что в настоящее время он проживает в Петрограде, страдает

перерождением сердечной мышцы и находится на лечении в санатории Красного Креста в Царском селе [35, л. 1]. Были собраны сведения и о членах семьи С. А. Панчулидзева. В частности указывалось, что одним из источников средств к существованию дворянской семьи являлось принадлежавшее Надежде Панчулидзевой имение в Саратовском уезде Саратовской губернии. Однако поместье размером 571 десятина было заложено в Дворянском банке, причем задолженность составляла на 01.03.1917 г. 62 579 руб. 85 коп. 28 марта 1917 г. Совет государственного Дворянского банка назначил продажу имений с публичных торгов, которые должны были проходить 13 мая и 10 июня 1917 г. [36, с. 28].

Отметим, что имение находилось в залоге с 1902 г. В 1909 г. банк произвел повторную опись имения, так как платежи уплачивались Панчулидзевыми крайне нерегулярно, что приводило к росту задолженности [37, д. 188]. Еще в январе 1914 г. Дворянский банк назначил имение Панчулидзевых в деревне Екатериновке Саратовской губернии к продаже с публичных торгов, но тогда семье удалось спасти имущество путем внесения недоимок в кассу государственного Дворянского Земельного банка [38, д. 189].

Не могли оказать помощь семье и сыновья. Сергей Панчулидзе в конце июля – начале августа 1916 г., находясь в отпуске, стал рассказывать знакомым, что давно хотел стать авиатором, «уже выдержал экзамен на летчика, назначен в Черноморский флот» и даже совершил полет в окрестностях Петрограда на гидроплане. Причем рассказ его отличался массой подробностей, он говорил, что неудачно спланировал, в результате при посадке разбил аппарат, а его спутник студент сломал себе ногу. Когда же ему привели доказательства того, что весь его рассказ – ложь, он впал в сильное раздражение. В результате родные поместили его на лечение в клинику для душевнобольных, где он находился с 22 декабря 1916 г. по 16 февраля 1917 г. В анамнезе, собранном врачами, указывалась его предрасположенность к психическим заболеваниям, отмечалось, что бабушки его по матери и отцу – родные сестры, причем бабушка по отцу страдала истерией, а сам он «отличается склонностью к неправильной передаче фактов и рассказыванию небылиц» [39, л. 5]. В освидетельствовании заведующего клиникой душевных и нервных болезней при Военно-медицинской академии отмечалось, что в целом Сергей здоров (память, внимание, ассоциативная деятельность в норме, заболеваний нервной системы нет), «однако его эмоциональная возбудимость повышена, он подвержен вспышкам сильного раздражения, при которых не отдавал отчета в своих действиях» [39, л. 5 об.]. Вероятнее всего, травмирующая атмосфера боевых действий негативно сказалась на его психике, «обстановка, в которую он попадал в первый раз казалась ему

знакомой, а события уже пережитыми». Причем он так убедительно рассказывал о своем опыте авиатора, что клиника даже сделала запрос о возможности его обучения и совершения полетов в офицерскую школу морской авиации, на который получила отрицательный ответ [39, л. 1]. Ему был поставлен диагноз – «истерический невроз с явлениями расстройства памяти в форме ложных воспоминаний» и рекомендован отпуск в течение 2 месяцев. В заключении отмечалось, что к военной службе он годен лишь в мирное время. После лечения Сергей уехал в имение родителей.

Второй сын Георгий (Юрий), коллежский секретарь, в 1909 г. поступил на службу чиновником Государственной канцелярии, его жалование составляло 800 руб. в год. В 1914–1916 гг. он в чине коллежского секретаря был делопроизводителем Совета объединенного дворянства. После Февральской революции он также уехал в имение в Саратовском уезде, где временно исполнял обязанности земского начальника без содержания. В письме к отцу в марте 1917 г. он писал, что ситуация в деревне сложная: «из-за выдачи дров семьям призванных из казенных лесов выходит какая-то путаница», так как земство постановило выдавать дрова только беднейшим семьям. «И теперь мне солдатики не дают проходу, – отмечал Ю. С. Панчулидзе, – а некоторые говорят, что я о них не забочусь» [40, л. 3–4]. Он просил совета и помощи в дальнейших действиях. «Ничего не можем получить, – писал он, – а нужда в дровах страшно острая. Соломы по волости почти нет». Он передавал отцу просьбу сельского комитета посодействовать в том, чтобы из Государственного управления Землеустройства и земледелия и из Крестьянского банка было бы выдано предписание выдать дрова семьям призванных солдат. Уже в конце 1916 г. крестьяне самовольно захватили часть земель, принадлежавших его матери. В этой связи Юрий подал прошение министру внутренних дел, которое осталось, как и многие другие жалобы землевладельцев, без ответа [41, л. 190]. Также он направил письмо в Государственную канцелярию с просьбой выплатить жалование, которое перестали ему выплачивать [40, л. 4].

8 июля 1917 г. прошение С. А. Панчулидзева в адрес Временного правительства было рассмотрено. О результате мы можем лишь догадываться, так как в архивном деле не сохранился соответствующий документ. Но, скорее всего, С. А. Панчулидзево было отказано в выплате денег. Об этом свидетельствует как надпись карандашом на его прошении: «Очень хорошо, плохо лишь живут барчуки» [35, л. 2], так и последующие события. 27 июля 1917 г. Сергей Алексеевич подписал распоряжение в ссудо-сберегательную кассу. Надежда Борисовна писала детям, что «его срочно надо подать», так как «вряд ли папа проживет долго», и передавала, что

он просил «всех вызвать из деревни», чтобы распорядиться о смерти и имуществе [42, л. 3].

29 (30) июля 1917 г. Сергей Алексеевич Панчулидзе скончался в Петрограде. Он был похоронен на Казанском кладбище в Царском Селе [43]. Надежда Борисовна получила большое количество соболезнований от родных и знакомых. 6 августа 1917 г. Е. П. Пешкова писала ей: «Многоуважаемая и дорогая Надежда Борисовна! Будучи в Финляндии, я только вчера узнала из запоздалого номера “Нового времени” о постигшем вас несчастии и ужасной утрате» [44 л. 1–1 об.]. Вспоминая о высоких нравственных качествах С. А. Панчулидзе, племянница Надежды Борисовны, дочь ее сестры Сарры, Ева Александровна Сабурова, также узнавшая о смерти Сергея Алексеевича из газет, утешая ее, писала: «Думаю, что теперь ему там лучше, ведь так тяжело теперь жить, а ему было еще тяжелее, чем многим другим» [44, л. 5]. Она интересовалась, где будет жить семейство Панчулидзевых, не уедет ли в деревню, и выражала надежду увидеться с тетей, а также предлагала финансовую помощь [44, л. 6]. Финансовую помощь семье предлагал и арендодатель, сдававший квартиру семье Панчулидзевых, в частности он выражал готовность снизить цену аренды [44, л. 7].

После смерти мужа Надежда Борисовна обратилась в Государственную канцелярию Временного правительства с просьбой о назначении пенсии. Решение об этом было принято лишь в конце сентября 1917 г. [45]. Денег в семье катастрофически не хватало. В связи с небезопасной обстановкой в деревне, семья приняла решение переехать в Петроград и попытаться частично продать, частично перевезти имущество на склад в Саратове, где оно должно было храниться до лучших времен. Этим занимался друг семьи – заведующий делопроизводством Русского исторического общества А. В. Шебалов. 2 сентября 1917 г. он писал Надежде Борисовне в Петербург о сложности, возникших при перевозке, сетовал на дороговизну транспорта: «ждали до 12 часов, но автомобили не ходили», нехватку людей и подвод, а также завышенные цены на услуги – рабочие требуют 40 руб. в день, причем в субботу работают только до 2 часов дня, автомобиль стоит 125 руб. за каждый день, а не за всю перевозку [46, л. 2]. Нехватка денежных средств не позволила вывезти А. В. Шебалову всю обстановку дома быстро. В сентябре удалось перевезти только часть мебели на склад – «вывезено два воза (9 ящиков с книгами, сундук с иконами, зеркальный шкаф)». Закончили же перевозку только 6 октября 1917 г. [46, л. 3]. Не удалось выручить средства и за продажу картин и икон. А. В. Шебалов писал: «Картины никто не приходил осматривать...отправил их на склад». Приехавший же смотреть картину В. Л. Боровиковского «Распятие» скупщик сделал заключение, что это копия, а не оригинал, как

полагала Н. Б. Панчулидзева, и отказался покупать картину [46, л. 2].

События октября 1917 г. застали Надежду Борисовну в имении. Дальнейшая ее судьба была достаточно сложной. И она, и её сыновья оказались без средств к существованию. Надежда Борисовна жила до 1924 г. в доме бывшего своего садовника. Есть сведения о том, что «будучи 60-летней женщиной она добывала себе пропитание шитьём платьев для крестьян по моделям старых французских модных журналов» [20, с. 37]. Место ее погребения не известно, но, скорее всего, ее могила находится на сельском кладбище.

В родословной росписи А. Н. Панчулидзева указывается, что Сергей Сергеевич был произведен в чин подпоручика, однако дата этого события не обозначается. Анализ документов показывает, что, скорее всего, он сдал офицерский экзамен в конце 1917 г. или в 1918 г. уже будучи участником Белого движения. Дата его смерти является спорной. В ряде источников указывается, что он умер в 1919 г. [47, с. 354]. В родословной росписи дворян Панчулидзевых отмечается, что он умер в 1926 г. в Ростове на Дону «доведенный преследованиями большевиков до крайней нищеты» [20, с. 58]. В любом случае, как бывший офицер и дворянин, он попал в разряд «лишенцев», а навыков, которые были бы востребованы новым обществом, у него не было.

О судьбе Юрия также можно лишь догадываться. В родословной росписи сказано, что после революции он женился, однако фамилия жены автору родословной росписи не известна. Кроме того, он указывает, что «за последние 10 лет (то есть с 1928 г. – П. К., Е. Б.) о Ю. С. в семье сведений не имеется» [20, с. 58]. Безусловно, можно сделать массу предположений относительно его дальнейшей жизни – сменил фамилию, был репрессирован, а, возможно, именно он умер в 1919 г.? В базе участников Белого движения есть следующая запись о Панчулидзеве, без указания имени: «Поручик. В белых войсках Восточного фронта в Уральской отдельной армии, командир самокатной роты с 12 июня 1919 адъютант в военно-эксплуатационном отделе военных сообщений» [48]. Но о ком эти сведения? О Юрии или о каком-либо его двоюродном брате?

Дочь Татьяна вышла замуж за Леонида Николаевича Тройницкого (9.04.1885–?), прапорщика запаса полевой артиллерии. В семье родилась дочь – Екатерина Леонидовна. В 1917 г. Татьяна работала сестрой милосердия в Петроградском госпитале [20, с. 59]. В годы Гражданской войны семья эмигрировала в Югославию, в 1941 г. Леонид Николаевич был офицером действительной службы югославской армии [48]. О дальнейшей судьбе семьи Татьяны и ее дочери сведений нет.

Таким образом, в семейной истории Панчулидзевых выделены три этапа. Второй и третий

этап жизни С. А. Панчулидзева нуждаются в более детальном исследовании. Речь идет о начале XX в., когда административная и научная деятельность С. А. Панчулидзева была наиболее плодотворной. В экстремальных условиях Великой российской революции способности и деловые качества представителей членов этой семьи не были востребованы новым советским обществом. Распространённой практикой адаптации бывших к советским реалиям стала мимикрия к новым жизненным условиям: в изменяющемся историческом времени и историческом пространстве принадлежность к дворянскому сословию опасно было афишировать. А потому внедрялись практики изменения фамилии или места жительства, резко ограничивался круг общения, к минимуму сводилось взаимодействие с органами власти, уничтожались документы, которые так или иначе могли стать «компроматом». Члены семьи С. А. Панчулидзева не смогли адаптироваться к жизни в новых условиях, что привело к лишениям и дальнейшей смерти.

Список литературы

1. Мирошниченко М. И., Журавлева В. А. «Бывшие люди»: структура и особенности нормативно-правового статуса // Гуманитарно-педагогические исследования. 2021. Т. 5, № 3. С. 27–36. <https://doi.org/10.18503/2658-3186-2021-5-3-27-36>
2. Разиньков М. Е, Морозова О. М. Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.): тенденции, механизм, региональные особенности. М. : Квадрига, 2021. 712 с.
3. Чуйкина С. А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е гг.). СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2006. 259 с.
4. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 гг. М. : Мир истории, 2003. 296 с.
5. Барина Е. П. Последние надежды «бывших»: переписка дворян в первые годы советской власти // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23, № 2. С. 19–25.
6. Ефремов С. И. Дворянская семья в Советской России и СССР (1917 – конец 1930-х гг.: социокультурный аспект : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 24 с.
7. Панчулидзе С. А. // Сборник биографий кавалергардов : в 4 т. Т. 4 (1826–1908). СПб. : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1908. С. 300.
8. Панчулидзе (Сергей Алексеевич) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 томах. 1906. Т. II. С. 375.
9. Панчулидзе Сергей Алексеевич // Библиографика. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/1799-panchulidzev-sergey-alekseyevich.html> (дата обращения: 20.11.2024).
10. Сапожников А. И. С. А. Панчулидзе и его сочинение «11 марта 1801 года» // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры : сборник научных трудов / сост. Л. И. Бучина, М. Ю. Любимова. СПб. : Российская национальная библиотека, 1994. С. 47–53.
11. Барина Е. П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М. : РОССПЭН, 2008. 349 с.
12. Барина Е. П., Кабытов П. С. Национальный вопрос в дискурсе объединенного дворянства // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 1 (41). С. 70–85. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2022.41.7>
13. Африканов С. С., Олферьев А. М. Неробкие грузины Панчулидзе в России // Да, были люди в наше время!: к 100-летию Общества потомков участников Отечественной войны 1812 г. : сборник статей / под ред. В. И. Алявдина, А. С. Яновского. М. : Нац. фонд «Возрождение русской усадьбы», 2013. С. 60–68.
14. Олферьев А. М. Духовые связи России и Грузии (на примере рода Панчулидзе) // Россия–Грузия. Диалог культур : сборник статей по материалам III Научных чтений, посвященных 110-летию со дня рождения Давида Ильича Арсенишвили / отв. ред. О. В. Никифорова. М. : Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, 2015. С. 87–97.
15. Белоусов С. В., Букреева Е. М. Пензенский губернатор Александр Алексеевич Панчулидзе: портрет на фоне эпохи // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы : материалы XXVI Международной научной конференции, 5–7 сентября 2022 г. / сост. И. В. Корнеев. Бородино : Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2023. С. 368–376.
16. Кузичкин С. Н. Они управляли Пензенской губернией. Пенза : Б. и., 2002. 64 с.
17. Африканов С. С., Олферьев А. М. Родословное древо и роспись дворян Панчулидзе и их потомков. М. : Б. и., 2008. 70 с.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1652. Панчулидзе Сергей Алексеевич (1855–1917), историк, управляющий архивом Государственного Совета, член Совета по делам местного хозяйства МВД, управляющий делами Совета объединенных дворянских обществ, гласный Саратовского земства. Оп. 1.
19. Иванова Н. А. Дневник // Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях: антология / сост. И. С. Шишкин. Пенза : [Б. и.], 2014. С. 218–252.
20. Родословная Роспись дворян Панчулидзе. Рукопись, составленная дворянином Пензенской губернии Алексеем Николаевичем Панчулидзевым. Российский период // Фонды Саратовского областного музея краеведения (СОМК): СМК значок номера 80199. Родословная Панчулидзе. 100 с.
21. Осоргин М. М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни, 1861–1920. М. : Российский Фонд Культуры, 2009. 999 с.

22. Панчулидзе С. А. Заметки по травосеянию. СПб. : Тип. В. Демакова, 1895–1896. Т. 1. Люцерна. 28 с.
23. Панчулидзе С. А. Заметки по травосеянию. СПб. : Тип. В. Демакова, 1895–1896. Т. 2. Эспарцет и клевер. 36 с.
24. Панчулидзе С. А. Земство и медицина в Саратовском уезде. Саратов : Тип. Губ. земства, 1888. 21 с.
25. Славин И. Я. Минувшее – пережитое. Воспоминания. Саратов : КнигоГрад, 2013. 404 с.
26. Плешаков И. Н. Потаённые думы А. Н. Минха: дневник провинциального дворянина последней трети XIX века. Архивы. Библиотеки. Генеалогия. URL: <https://dzen.ru/a/Zq9ktVlsyFJeMnV3> (дата обращения: 05.01.2025).
27. Опись дел Архива Государственного Совета : в 12 т. / под ред. А. А. Макарова, С. А. Панчулидзева ; сост. А. А. Голомбиевский. СПб. : Государственная типография, 1911. Т. 7. 464 с.
28. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. : в 3 т. Т. 2, кн. 1 (1909–1910 гг.). М. : РОССПЭН, 2001. 678 с.
29. Панчулидзева Н. Б. Не от мира сего. Из провинциальной жизни // Вестник Европы. 1893. Т. 5, кн.10. С. 456–510.
30. Панчулидзева Н. Б. Наталья Павловна. Харьков : Тип. Мирный труд, 1912. 178 с.
31. Панчулидзева Н. Б. Неудовлетворенные стремления. Харьков : тип. Мирный труд, 1914. 166 с.
32. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 95.
33. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 87.
34. Панчулидзе Сергей // Памяти героев Великой войны 1914–1918. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie50148818/ (дата обращения: 15.12.2024).
35. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 121.
36. Вестник Временного Правительства. 1917. 28 марта. № 18/64.
37. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 188.
38. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 189.
39. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 191.
40. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 89.
41. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 38.
42. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 157.
43. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 122.
44. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 159.
45. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 190.
46. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 160.
47. Волков С. В. Офицеры Российской гвардии: опыт мартиролога. М. : Русский путь, 2002. 562 с.
48. Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-01.htm (дата обращения: 05.01.2025).

Поступила в редакцию 11.02.2025; одобрена после рецензирования 13.02.2025; принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 11.02.2025; approved after reviewing 13.02.2025; accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025